

Фомин Максим Сергеевич

канд. пед. наук, преподаватель

Бизнес-колледж ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный

университет экономики и управления «НИХ»

г. Новосибирск, Новосибирская область

ЦЕННОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСШИФРОВКИ ИХ ПРЕДЕЛЬНЫХ СМЫСЛОВ СОВРЕМЕННИКОМ

Аннотация: статья посвящается осмыслиению места и роли в жизни и деятельности общества так называемых категорий-констант (ценностей), содержание которых осознается и ощущается современниками, однако не всегда в полной мере артикулируется и воплощается ими в реальную жизнь. Такая постановка вопроса определяет актуальность названной темы.

Ключевые слова: смысл, ценность, страх, современник, внутреннее содержание.

Во все времена люди сталкивались с проблемами и, очевидно, будут впредь ощущать на себе их воздействие. Столь же очевидно, что для каждой эпохи важным и решающим было и остается выявление и сосредоточение творческого внимания на ключевых вызовах, причем, непросто как вербальной констатации и согласия с чем-либо, но как деятельностной позиции, предполагающей активное преобразование актуальной действительности.

Представляется, что в настоящее время весьма остро стоит вопрос о так называемой расшифровке (и, соответственно, последующей передаче) смыслов, сокрытых в фундаментальных категориях, знакомых и понятных многим. При этом важно подчеркнуть, что речь идет не о создании нового контента, но проникновении за форму, так сказать, в глубину официально принятых и повсеместно употребляемых понятий.

Задача обусловливается серьезным объективным обстоятельством: в сегодняшней атмосфере разнообразных шумов, необходимо уловить, а самое главное

артикулировать то, что интуитивно осознается, ощущается большинством современников, но, зачастую, прямо не произносится им, в силу чего ощущаемое постепенно растворяется, а в итоге утрачивается. Более того, что гораздо серьезнее и опаснее, оно умышленно замещается содержанием, нужным определенным акторам современного общественно-политического процесса, реализующегося, зачастую, тонко и манипулятивно. Именно по этим причинам необходимо вывести ожидаемое и мыслимое в плоскость реального, сказанного.

Примечательную иллюстрацию сказанного можно обнаружить в коллективной монографии профессора А.Г. Козловой «Смыслообразующие факторы становления воспитанности учащейся молодежи» [3].

Всесторонне анализируя такое фундаментальное понятие как «смысл жизни», она приводит показательную для настоящего времени мысль-идею одного обычно пользователя интернета. Она пишет: «В одном высказывании на Форуме были найдены убедительные слова: «не стоит путать смысл жизни и цель жизни. *Хотя знаете, порой я сам часто путаюсь между этими двумя вещами. Главное, я знаю, что эти вещи не одинаковы между собой, но все равно не могу дать точное определение* (выделено мной – Ф.М.). Цель – это то, к чему человек стремится. Цели могут быть коротко срочными и далеко за. Коротко срочные – это, допустим, завтра сходить в парикмахерскую. Долгосрочные – это стать в будущем кем-то, определенной профессии, создать семью и все такое. А вот что такое Смысл жизни? Смысл – то, не ради чего мы живем, а *почему* мы живем. Зачем нам дан этот короткий отрезок времени?» [3, с. 115].

Очевидно, что в приведенном примере отчетливо видно и ощущение чего-то важного, с чем сталкивается современник, и определенное знание-уверенность, и одновременно с этим некоторое сомнение в истинности собственных представлений.

Поэтому практическая значимость задачи заключается в том, что ее реализация (в той или иной мере) может способствовать приведению ценностно-смысловой системы личности и общества к общему знаменателю, исключению сво-

бодной, а зачастую просто ложной интерпретации сути ценностей, наконец, удовлетворению потребности современника в подобного рода инициативе, которая ожидается и воспринимается им как созидаельно-скрепляющий импульс дальнейшего развития.

В этом, можно предположить, и будет заключаться особенность настоящей эпохи: имея многое известным – набор ценностей, их смыслы – приходится многое в них открывать заново, причем то и такое, что носит решающее значение в обеспечении и сохранении *биологической и духовной жизнеспособности* человека и общества как таковых.

Доказательством справедливости того, что сегодня хорошо знакомые категории обретают такой статус, специфическую, а, порой, неожиданную сферу приложения и применения, является взгляд-позиция на происходящие события «Военной доктрины Российской Федерации», подписанной Президентом России 25.12.2014 г.

Несмотря на собственно военный характер данного документа, в нем, исходя из анализа складывающейся обстановки в стране и мире, нашли место положения, прямо относящиеся к таким областям знания как философия и педагогика, которые, собственно, и оперируют фундаментальными понятиями и играют, таким образом, ключевую роль в формировании ценностной и мировоззренческой систем личности и общества.

Так, п. «м» параграфа 12 указывает на использование в настоящее время «информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности», а п. «в» и «г» параграфа 13 отмечают «деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью под-

рыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества; провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды» [8].

Из сказанного следует, что разработка и оперирование смыслами и концептами перестали быть академическим интеллектуальным деланием, но обратились в весьма эффективное средство (оружие) противоборства мировоззрений и достижения могущества, которое по выражению С. Хантингтона есть «возможность насадить собственные ценности, культуру и институты в другой группе по сравнению с возможностью другой группы сделать то же самое с вами» [7, с. 193].

Отмеченные выше понятия («воздействие», «духовные традиции», «информационные и коммуникационные технологии») не случайно заявлены в повестку сегодняшнего дня: сами по себе они существовали всегда и имели присущую им смысловую и функциональную нагрузку, однако, изменилось *отношение к ним, восприятие и понимание* их потенциала в деле достижения и реализации целей, о которых предельно четко выразился, С. Хантингтон.

Современная аксиология совершенно ясно и однозначно утверждает, что ценности, которые становятся достоянием человека и общества, «определяет базовую конфигурацию жизненного мира человека – динамический порядок его тяготений и отталкиваний, симпатий и антипатий, любви и ненависти» [4, с. 212].

Дilemma заключается в том, что к подобным выводам приходят именно специалисты, постоянно пребывающие в проблемном поле, для которых она становится очевидной, в то время как подавляющее большинство современников продолжает пребывать на профаном уровне: имеющийся запас обыденных знаний и представлений, действительно, способствует проживанию данной жизни, принципиально не осложняет ее, но при этом оставляет субъекта в позиции пассивного созерцателя разворачивающихся событий. В этом смысле характерным примером являются выборные кампании депутатов различных уровней, явка на которые у нас традиционно оставляет желать лучшего.

Следует подчеркнуть, что речь не идет об осуждении людей за сделанный выбор. Идея и задача сегодняшнего дня заключается в том, чтобы подвигнуть их

к расширению собственного горизонта актуального, что, как представляется, и возможно только, во-первых, в случае сформированности стремления проникнуть вглубь уже известного, а, во-вторых, (и это непосредственно обусловливает предыдущий тезис) активной позиции тех, кто причастен интеллектуальному деланию, их *проповеднической* позиции донести (*поведать*) то, что открылось их разуму, сознанию, душе.

Деятельностно воплощая указанную позицию, следует исходить из того, что фундаментальные категории (ценности) обладают свойством формировать т.н. ценностное отношение, которое «можно уподобить свету, высвечивающему перед человеком жизненную дорогу, во многом определяющему характер движения по ней» [4, с. 212].

В свою очередь, данный взгляд современной официальной науки максимально сближается и содержательно нагружается категоричной позицией религиозной парадигмы: «аще убо свет, иже в тебе, тма есть, то тма кольми» (Мф. 6, 23) и таким образом рассматриваемая в статье проблематика возводится в предел.

Действительно, *именно и только* в представленном контексте явственно поднимается вопрос (и также явственно просматривается ответ на него): к чему в конечном придет итоге человек, практически реализующий сформированную в себе систему морально-нравственных координат, базисными элементами которой предстают ценности, если, они, оставаясь константами, далеко не всегда единственно и гарантированно благодатны по своей сущности? Первое, что следует из подобной постановки проблемы – это необходимость проникновения в глубину, верифицирования того, что принято на вооружение.

В книге А.С. Панарина «Православная цивилизация» имеется весьма интересная мысль, прямо относящаяся к рассматриваемой проблематике. В частности, он писал: «... в моральной сфере нет прогресса. В истории, написанной на языке морали, наши предки вовсе не выглядели отсталыми, напротив, они могут служить нам вдохновляющим примером. Следовательно, на дистанцирование от

прошлого, как того требуют теории, воюющие с традиционализмом, а новое прочтение опыта наших предков, новое сближение с ними требуется для достижения аутентичности» [5, с. 170].

Опираясь на приведенный аргумент А.С. Панарина в целях практической реализации задачи настоящей статьи, необходимо рассмотреть, как представляется, такие важные для настоящего времени категории-ценности как «страх» и «грех»: в предложенной логике показать то, как их содержание может быть расширено, и на сколько отличным оно оказывается от обыденных, сформировавшихся представлений современника.

Чтобы увидеть это предлагается обратиться к святоотеческому наследию, которое сегодня из-за давности лет или пребывает в забытии, или рассматривается мифологически как нечто *вероятно существовавшее*, а потому, несмотря на возможную смысловую ценность, воспринимаемое с меньшей степенью заинтересованности и серьезности.

Не будет преувеличением сказать, что современник живет в постоянном страхе: экономическая ситуация в стране и мире пугает, политические события ужасают, природные стихии и техногенные аварии шокируют. Однако это все-таки страхи принципиально иного уровня по сравнению с той боязнью, которая вкрадывается в душу человека, когда ему приходится услышать упредительные или назидательные фразы: «Ты, что! Грех же...» или «Побойся Бога!». В этой связи возникает серьезная необходимость разобраться о каком же страхе идет речь и что же такое грех.

Изучая мысли-поучения аввы Дорофея, например, становится очевидно, что ему, как представляется, удалось раскрыть, расшифровать психологию страха в предельном измерении, философском ключе и педагогическом векторе, которых очень недостает современному сознанию человека и общества.

Размышляя на эту тему, он писал о том, что «есть два страха: один первоначальный, а другой совершенный, – один свойственен начинающим, а другой свойственен совершенным Святым, достигшим в меру совершенной любви. Кто

исполняет волю Божию по страху мук, тот есть еще новоначальный; а кто исполняет волю Божию из любви к Богу – для того, чтобы угодить Богу, того сия любовь приводит в совершенный страх, по коему он вкушив сладости пребывания с Богом, боится отпасть, боится лишиться ее. И сей-то совершенный страх, рождающийся от любви, вон изгоняет страх превоначальный» [1, с. 651].

Здесь же, как представляется, находится ключ к расшифровке смыслов, которые интуитивно осознаются, но прямо не артикулируются, по причине того, что одних внутренних ощущений оказывается недостаточно.

Принципиально отличная от общепринятого подхода к пониманию страха позиция заключается в том, что именно в предельном измерении он становится фактором, кардинально изменяющим представление о свободе: свобода перестает (в идеале) быть своеvolием, но оказывается осознанным стремлением к избеганию всего деструктивного.

Авва Дорофей писал о том, что первоначально человек уклоняется от зла «по страху наказания, как раб, боящийся господина» [1, с. 652], однако, обретая опыт, проявляющийся в объективном оценивании результатов собственных поступков, он «постепенно приходит к тому, чтобы делать благое добровольно» [1, с. 652].

В конечном итоге он получает «вкус ко благу, приходит в некоторое ощущение истинное благо, – и уже не хочет разлучиться с ним. Тогда любит добро ради самого добра, – и хотя боится, но потому что любит. Сей-то есть великий и совершенный страх» [1, с. 652].

Возникает вопрос о том, что помимо философско-педагогических заключений императивов обеспечивает представленная концепция?

В практической плоскости она как раз и актуализирует истинно деятельностный подход к моделированию поведения личности: реально и осознанно устранившись от того, что на богословском языке называется «беззаконие» – «грех есть беззаконие» (1 Иоан. 3, 4).

Принято считать, что, указанная проблематика принадлежит религии, что, безусловно, справедливо. Это, однако, в известной степени отстраняет внимание человека от углубления в содержание и суть явления, т.к., с одной стороны, ему

все понятно («не делать то-то»), но с другой стороны чувствуется некая таинственность, которая пугает, а потому и отстраняет.

Это и есть та самая ситуация недосказанности, но ощущаемости, которую необходимо преодолевать, в частности посредством толкования ценностей.

К примеру, разъясняя суть и смысл понятие «грех», Святитель Феофан Затворник, говорил о том, что, например, «грех есть преступление, или нарушение закона. Но закон сам в себе остается неизменным. Он разоряется только и нарушается в лице грешащего. Например, неверие есть нарушение закона веры в Бога; но и Бог, и вера сами по себе остаются неприкосновенными» [6, с. 146] и далее «грех собственно в развращении воли, по коему и знаем, что должно делать, но не делаем, потому что не хотим» [6, с. 146]. Наконец, «грех есть преступление заповеди, повелевающей или запрещающей что-либо делать, преступление произвольное, непринужденное. «...» Посему, когда делаем что не должно, творим грех и, когда не делаем, что должно, тоже творим грех» [6, с. 150].

Очевидно, что углубление и расширение уже знакомых ценностей, приводит человека к принципиально отличной от материального мира сфере – религии и вере. Это обстоятельство не делает человека сколько-нибудь ретроградным.

Как писал И.А. Ильин, «религиозная вера вовсе не связана с «глупостью» и «невежеством»; она нужна всем людям: и самым умным, и самым образованным. К сожалению, в мире немало людей, которые не умеют возвести свою слепую веру на уровень духовно-зрячего, религиозного верования; и наряду с ними есть еще больше людей, которые «принципиально» не хотят веровать, но совсем не верить не могут, и потому верят в нелепое и вздорное, а потом не хотят признаться в этом, отрицают свою веру и уверяют, что их нелепости «познаны» и «доказаны». И как же не противопоставить им тех многих, умных и научно образованных людей, которые верно постигли сущность науки и границы человеческой мысли и тем освободили в своей душе место для искренней и чистой веры в Бога!» [2, с. 89–90].

В том и заключается особенность и сложность рассмотренной в статье задачи: в результате предвзятого (относительно собственного нравственного состояния) изучения знакомого, человек отчетливее видит и Абсолют, Бога, что раскрывает и обязывает его на дальнейшее совершенствование, результатом которой будет и сохранение национальной идентичности, и способность противостоять в борьбе мировоззрений и ценностей.

Список литературы

1. Добротолюбие. – М.: Паломник, 2000.
2. Ильин И.А. Основы христианской культуры / И.А. Ильин – СПб., 2004.
3. Козлова А.Г. Смыслообразующие факторы становления воспитанности учащейся молодежи / А.Г. Козлова // Материалы Отчета по Проекту: Динамика смыслообразующих факторов воспитанности учащейся молодежи в современном российском обществе за 2009 год» / Под ред. А.Г. Козловой, А.С. Роботовой. – СПб.: ООО «Нестор-История»; Изд. Санкт-Петербургского института истории РАН, 2009.
4. Миронов В.В. Философия. Гносеология и аксиология / В.В. Миронов – М.: Инфра-М, 2014.
5. Панарин А.С. Православная цивилизация / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002.
6. Феофан (Затворник) Начертание христианского нравоучения. – М.: Правило веры, 1998.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: ACT, 2014.
8. Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>